
АННА ЧЕРРИ
МАРЬЯНА ГРОСС
РЕЦЕПТ НА ЛЮБОВЬ
ЛИТМОБ
МЧС РОССИИ
Пышка
ПО ВЫЗОВУ
– испытание для Спасателя

Анна Черри

Пышка по вызову - испытание для Спасателя

«Автор»
«Автор»
2026

Черри А.

Пышка по вызову - испытание для Спасателя / А. Черри — «Автор», «Автор», 2026

— То есть вы хотите сказать, что приковали вашего жениха наручниками к спинке кровати, и во время эм ваших страстных игр он неудачно дёрнулся и вывихнул руку?Ещё раз уточнила я у взлохмаченной пышногрудой блондинки, стараясь сохранять профессиональное спокойствие в голосе. Сил уже не было. Смена давно должна была закончиться, но нас отправили на последний вызов.Вызов, что перевернул мою жизнь.Стоило только войти в спальню блондиночки, как я окаменела.— Оля? — раздался шокированный голос с постели.Я неверящим взглядом смотрела на практически голого мужчину, что был небрежно прикрыт скомканным одеялом, и не могла поверить своим глазам.На мятых простынях лежал Мой жених.Но и это оказалось только началом!Одним из спасателей, что освобождал его от наручников, оказался мой бывший. Тот самый бывший, что разбил мне сердце два года назад, а теперь заявляет, что это я его предала.Да что здесь вообще, чёрт побери, происходит?*ОчаровательнаяПышкаБывшиеКороткий роман и ХЭ

© Черри А., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Г 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Анна Черри, Марьяна Гросс
Пышка по вызову - испытание для Спасателя

Глава 1

— То есть вы хотите сказать, что приковали вашего жениха наручниками к спинке кровати, и во время… эм… ваших страстных игр он неудачно дёрнулся и вывихнул руку?

Ещё раз уточнила я у взлохмаченной, пышногрудой блондинки, стараясь сохранять профессиональное спокойствие в голосе. Хотя ситуация уже начинала попахивать дешёвой комедией.

Нас она выбежала встречать в тоненьком, едва прикрывающем аппетитное мягкое место, шёлковом халатике нежно-персикового цвета. Ткань струилась и переливалась при каждом её нервном движении, а глубокий вырез не оставлял ни малейшего простора для фантазии.

Мой напарник Виктор, глядя на эту красоту, кажется, даже забыл, как дышать. Не говоря уже о том, что не далее, чем минуту назад он жалобно рассказывал мне, как жутко устал после долгой, выматывающей смены.

А смены у общепрофильной врачебной бригады или, как её называют в простонародье, скорой помощи, простыми не бывают.

Вот и сегодня, последний вызов перед долгожданным окончанием смены, оказался не просто занимательным, а каким-то до смешного нелепым. Вызов звучал как «бытовая травма», но кто же знал, что быт окажется настолько пикантным.

— Да-да. Очень неудачно, — плаксиво заверила блондиночка, ведя нас по длинному, погруженному в интимный полумрак коридору от входной двери к спальне. Её пушистые домашние тапочки смешно шаркали по паркету.

— Да уж, не повезло мужику. Прямо фатальное невезение, — едва слышно хмыкнул Виктор, наклонившись к моему уху так, чтобы слышала только я.

— Ему так больно стало, просто ужас! Он закричал, побледнел весь. Я в панике пыталась достать ключик, а тот… Тот просто выпрыгнул из рук и… — она тяжело вздохнула, покосившись на меня, затем на Виктора, и продолжила, взявшись за дверную ручку. — Я так и не смогла его найти. Вот и спасатели должны скоро приехать. Я сразу всех вызвала, чтобы наверняка.

— То есть ваш мужчина всё ещё прикован к кровати? — то ли с сочувствием, то ли с едва скрытым сарказмом спросил мой напарник, первым заходя в спальню.

— Ну да, конечно, — как нечто само собой разумеющееся ответила она, и в этот момент где-то в недрах квартиры требовательно залился звонок в дверь. — Ой, а вот и они, видимо. Я сейчас, открою!

И она, взмахнув полами шёлкового халата, упорхнула обратно в тёмный коридор, оставляя за собой шлейф приторно-сладких духов.

— М-да, конечно, дела-а… — покачал головой Виктор, проводив блондинку красноречивым, чуть насмешливым взглядом.

Напарник не став дожидаться хозяйку, всё же решительно вошёл в комнату, предвкушая финал этого театра абсурда.

Следом вошла и я.

Вошла и тут же обомлела.

Нет… Нет… Такого просто не может быть.

— Оля? — раздался шокированный, полный ужаса голос с постели. Голос, который я знала так хорошо.

Боже…

Я неверящим взглядом смотрела на практически голого мужчину, что был небрежно прикрыт скомканным одеялом, и не могла поверить своим глазам. Мозг просто отказывался обрабатывать картинку.

Но это был он. Это действительно он!

Мой жених.

Жених, чёрт побери!

Тот самый, с которым у нас через два месяца должна была быть свадьба.

— Это… это что за хрень? — Виктор перевёл неверящий взгляд с кровати на меня, мгновенно сбросив с лица всё веселье.

Он тоже узнал моего «дорогого» Кирюшу. Ведь с Виктором мы не просто коллеги, а ещё и давние друзья. Мы не раз собирались нашей большой, шумной компанией. И на каждую такую встречу я почти всегда приходила с Кириллом, с гордостью держа его под руку.

— Ты… Ты не должна была приехать, — выдохнул мой… уже бывший жених, держась за плечо.

Не должна была, да. Наша смена уже более часа назад должна была закончиться, но так сложились обстоятельства, и нам с Витей пришлось немного переработать сегодня.

— Посторонитесь! — раздалось громкое, и в комнату вошли двое высоких широкоплечих мужчин в форме спасателей.

Я моментально шагнула назад, затем ещё и ещё. Пока не упёрлась спиной в холодную стену.

Вжалась в неё, словно желала провалиться сквозь, и помертвевшим взглядом смотрела на то, как моему Кирюше, что сейчас лежал в чужой постели, гидравлическими ножницами резали наручники.

Выглядело это немного страшно. Для незнающих и не сталкивающихся с этим людей. Но это был самый безопасный способ избавиться от наручников.

— Может, ты выйдешь на улицу, подышишь? — с искренним сочувствием и тревогой в голосе спросил подошедший Витя, беря меня за локоть. — Я сам здесь справлюсь. Нечего тебе на это смотреть.

— Я… Я… — задохнулась поступающими слезами и не смогла вымолвить и слова в ответ. Голос пропал, предал меня.

Я вообще ничего сейчас не могла, кроме как смотреть на то, как спасатели резали наручники, и на стонущего Кирилла.

— Зачем тебе смотреть на этого… — Виктор бросил уничтожающий, полный ярости взгляд на постель и мужчин на ней. — На этого урода!

В этот момент послышался стук. Я повернула голову и увидела, как вернувшаяся блондиночка, в ужасе глядя на спасателей и то, как они ловко, с металлическим скрежетом орудовали гидравлическими ножницами прямо рядом с голой кожей её любовника, покачнулась.

— Ах! — только и смогла простонать она.

Лицо её резко побелело, стало цвета мела, глаза закатились, и она… мягко, словно подкошенная, завалилась на комод. Сметая с него какие-то женские безделушки.

Говорила я, что для особо впечатлительных зрелище может выглядеть страшнее, чем оно есть на самом деле. А эта блондиночка, видимо, ещё и редкая неженка с тонкой душевной организацией.

— Вот же… Гадство! — тихо выругался Витя и бросился к девушке.

Нужно было её уводить отсюда.

— Мы закончили, — буднично оповестил один из спасателей, вставая с кровати и аккуратно убирая инструмент в чемодан.

— Можете заняться его рукой. Похоже, вывих, — сказал второй и повернулся ко мне.

И я второй раз впала в глубочайший ступор.

Ведь этого ну просто никак не могло быть!

Ну нет же! Нет!

— Оля? — удивлённо и с той же неверящей интонацией, что несколькими минутами ранее я услышала от Кирилла, спросил меня второй спасатель.

Да за что мне всё это?

Глава 2

— Оля… — повторил тот… тот, кто когда-то, казалось, собственными руками вырвал из моей груди сердце и растоптал его, даже не обернувшись.

Человек, что просто вывернул мне душу наизнанку два года назад, оставив после себя выжженную пустыню.

Предал…

А второй предатель сейчас лежал в чужой постели с вывихнутой рукой и волком смотрел на меня и на… на Романа.

Да что же мне так везёт-то? Как утопленнику!

Я с болью посмотрела на Романа.

Он почти не изменился за эти два года. Всё такой же. Чертовски, до неприличия красивый.

Высокий, широкоплечий, с жилистой, тренированной фигурой, которую я когда-то знала наощупь до последней чёрточки.

Его загорелая, словно впитавшая в себя летнее солнце кожа резко контрастировала с формой спасателя, а проницательные, внимательные глаза небесно-голубого цвета смотрели прямо в душу, ничего не упуская. И эти лучики едва заметных, тонких морщинок в уголках глаз, которые становились глубже и заметнее, когда он улыбался широко и открыто, не жалея эмоций. Он всегда улыбался именно так. От души.

Он вообще всё делал от души.

Именно за это я когда-то без памяти, по-щенячьи восторженно и абсолютно безоговорочно влюбилась в него.

Так сильно, что когда он разбил мне сердце, я едва смогла себя собрать по кусочкам. Настолько мне было плохо. Я даже дышать нормально не могла. Каждый вдох отдавался болью в груди.

И вот только у меня в жизни всё наладилось, только мне показалось, что я всё же смогу быть счастливой, как…

Я с горечью посмотрела на постель, бледное лицо уже бывшего жениха и встретилась с его настороженным и наполненным болью взглядом.

Болью?

Ах да… Точно. У него же вывихнута рука. Физическая боль — это единственное, что он сейчас реально заслуживает. А душевная? О, душевной боли ему, кажется, не видать. Нет там того органа, которым эту боль чувствуют.

Я с надеждой посмотрела на дверь спальни, но Витя так и не появился.

А это плохо. Это значит, что вставлять сустав придётся мне.

Да чтоб вас всех разорвало на атомы!

— Оля, ты… — вновь заговорил Рома, медленно, словно заворожённый приближаясь ко мне.

— Что это значит, Оля?! Что он тут делает?! — требовательно, срывающимся на фальцет голосом спросил Кирилл, предпринимая неуклюжую попытку встать с кровати. Он дёрнулся, завозился в простынях, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Но вот незадача — с вывихнутой рукой встать и при этом не осчастливить нас видом на свои голые “стратегически важные” места довольно непросто. Поэтому бывший жених сгрёб побольше одеяла и остался сидеть на краю кровати, при этом с ненавистью глядя на Романа.

— Я что здесь делаю? — отмер и удивился в свою очередь мой бывший, с недоумением посмотрев на Кирилла. — Так вас спасаю из вот этой интересной ситуации.

— Оля! Ты… — начал было Кирилл, но сильно дёрнулся и взвыл, держась на плечо.

Это и заставило меня очнуться. Выйти из анабиозного состояния и вспомнить, что я медик! В первую очередь нужно было помочь больному, а всё остальное потом.

Да, помочь. Даже если этот самый больной — твой жених, что валялся в чужой постели.

— Мне нужно работать, — глухо, безжизненно выдохнула я, решительно отлипая от холодной стены, что всё это время служила мне единственной опорой.

— Да и нам пора, — вмешался напарник Романа, что всё это время молча наблюдал за нами. — Пошли, Ром.

Что ответил Болотов своему напарнику, я не услышала. Всё моё внимание сосредоточилось только на плече пациента.

Я старалась забыть в эти минуты, кому ставила обезболивающее, кому вставляла сустав и фиксировала руку.

Забыла. Но только до момента, пока не закончила. Пока Кирилл не заговорил. Видимо, женишок боялся, что если решит открыть свой грязный рот раньше, то что-то с его рукой может пойти не по плану. Инстинкт самосохранения у него, как видно, работал исправно.

— Оля, нам надо поговорить.

— Вам надо в больницу, — безэмоционально ответила я.

И с ужасающей ясностью поняла, что внутри меня в одно мгновение всё просто опустело. Будто кто-то повернул вентиль, и все чувства, краски, эмоции стекли куда-то в небытие. Ничего, кроме кромешного, арктического холода не осталось в душе. Ничего! Пустыня, покрытая инеем.

Где-то на краю сознания я знала, что это временно. Что это просто защитная реакция оглушённого, контуженного предательством организма. И что как только я окажусь в безопасном, тихом месте, дома, в четырёх стенах, тогда неминуемо наступит жесточайший откат. Тогда меня начнёт безжалостно ломать.

— Я никуда не поеду. Оля, — он схватил меня за запястье здоровой рукой, заставляя посмотреть в предательские глаза. — Я люблю только тебя! Мне нужна только ты! Я всё также хочу, чтобы ты стала моей женой и матерью моих детей! А это… Это для меня ничего не значит.

Я с болью посмотрела в глаза бывшего жениха и горько усмехнулась.

Льда внутри стало ещё больше.

— А для меня значит, Кирилл, — я резко поднялась, не забыв и про медицинский чемоданчик.

Даже мои лишние килограммы сейчас совершенно не почувствовались. Соскочила в одно мгновение.

Да, я никогда не была худышкой. До хрупкого образа той же блондинки в шёлковом коротеньком халатике мне было далеко. Но моя небольшая полнота никогда мне и не мешала.

Вот же какой мозг. Пытается в критический момент переключиться на что угодно, лишь бы уйти от опасности.

Но нужно было ставить точку!

Смысла даже разбираться ни в чём не было. Всё было кристально ясно и так.

— Прощай! — резко сказала я, чувствуя, как сиганула в пропасть. — Вещи заберу сегодня же.

Вырвала руку из захвата и попыталась развернуться, но Кирилл вскочил с постели вслед за мной и поймал меня под локоть, останавливая.

— Оля! Прекрати уже! Хватит, — разозлился он. — Не устраивай концерт из-за ерунды. Эта девка просто развлечение. Мимолётная слабость. Я же мужик всё-таки! У меня потребности. Через два месяца я навсегда стану только твоим!

— У меня тоже потребности, Кирилл, — холодно улыбнулась я. — Потребность послать предателя на все четыре стороны! Навсегда станешь моим? Ха! Да ни за что!

— Тебе нужно просто успокоиться, — сжал челюсть он с такой силой, что я услышала скрежет зубов. — Ты всё равно никуда не денешься. Успокойся и пойми, что все мужчины такие. Хватит уже из себя дурочку строить!

— Да пошёл ты! — резко вывернулась я и отшатнулась от бывшего жениха.

Никогда не видела такой ярости в его глазах и никогда он ещё не причинял мне боль. Он сжал мою руку так, что едва искры из глаз не посыпались.

— Тебе самому нужно успокоиться, Кирилл! — внезапно возник между нами Виктор, заслонив меня своей широкой спиной.

И стало легче. Моментально легче. От того, что кто-то вступился. Кто-то помог.

Я не могла больше здесь находиться. Просто не могла.

Витя что-то пытался объяснить Кириллу, успокоить его, но сознание поплыло куда-то, и я уже просто не различала слов.

Я качнулась на ватных ногах и с кристальной ясностью поняла, что мне срочно, немедленно нужно уйти. Или я просто рухну, распластаюсь здесь же, прямо на этом дурацком зелёном ковре с длинным ворсом.

Резко развернулась и неверной, но быстрой походкой пошагала к выходу.

В коридоре я почти столкнулась с испуганной блондинкой, которая жалась к стене и смотрела на меня огромными, шокированными и откровенно опасливыми глазами. Видимо, подслушала весь наш разговор от начала до конца и теперь в полной мере осознала, кто я такая на самом деле и какова её собственная, мягко говоря, незавидная роль во всей этой ситуации.

Но мне было плевать.

Абсолютно всё равно на неё, на Кирилла, что-то орущего мне вслед. Да на всё. Просто хотелось остаться одной. И чтобы никто больше не лез.

— Надо же как бывает в жизни, да, Оль? Может и бумеранг прилететь, — внезапно услышала я до боли знакомый голос.

Резко остановилась и посмотрела на стоящего у машины спасателя Романа. Тот стоял, сложив руки на груди, и смотрел на меня нечитаемым взглядом.

— Бумерангом? — нахмурившись, переспросила я, совершенно не понимая, о чём он говорит.

— Ну да, — с едкой горечью усмехнулся он. — Когда-то ты предала меня. Теперь предали тебя.

Глава 3

Я онемела. Буквально превратилась в соляной столб, не в силах ни пошевелиться, ни отвести взгляд, ни даже моргнуть.

В полнейшем шоке я смотрела на бывшую любовь всей своей жизни, которую все эти бесконечно долгие два года отчаянно, на грани безумия пыталась забыть.

Мне даже начало казаться, что у меня почти получилось… Вон даже замуж собралась. Поверила, что могу быть счастливой. Что наконец-то забыла мужчину, без которого даже дышать было нестерпимо больно.

Забыла…

И тот, другой человек, что был со мной всё это тяжёлое, тёмное время, кто терпеливо поддерживал меня и помогал собирать мою разбитую душу по кусочкам, словно хрупкую фарфоровую мозаику, сталмне по-настоящему родным. Таким близким, тёплым, понимающим, что мне даже начало всерьёз казаться, что я его действительно полюбила.

По-своему. Но всё же…

Однако стоило только на мгновение увидеть Романа, столкнуться с ним нос к носу в этой проклятой, чужой спальне, как всё перевернулось с ног на голову. Даже застуканный в постели любовницы Кирилл, за которого я собиралась замуж, не сумел затмить его.

Не смог заслонить собой ту бурю эмоций, что вызвал во мне один только взгляд на бывшего.

От Кирилла я заледенела. Стала пустой. Потеряла ориентиры.

А вот стоило только увидеть Романа, как всё внутри перевернулось. Просто в одно мгновение меня вывернуло наизнанку, и вновь невыносимо заломило в груди, а воздуха стало катастрофически не хватать.

Но именно он, Роман, сам того не подозревая, сумел меня немного отрезвить.

Своими неожиданными, чудовищно несправедливыми обвинениями.

Я смотрела на того, кто безжалостно растоптал меня два года назад, превратив мою жизнь в руины, и никак не могла понять, о чём он говорит.

Про какое такое предательство идёт речь? Кого я предала? Когда? Каким образом?

Это ведь он… Он бросил меня.

Жестоко, без объяснений, без последнего разговора, без шанса что-то исправить или хотя бы понять причины. Просто однажды, самым обычным, ничем не примечательным вечером, мне пришло короткое, как выстрел в упор, сообщение от него: «Прощай».

Всего одно слово — и целая жизнь разрушена.

А сам он, как выяснилось позже, уехал в столицу. Я не могла дозвониться до него. Вызов всё время сразу же прерывался. Его друзья ничего внятного мне ответить не могли.

А на следующий день подружка попросила встретиться и, когда мы сидели в кафе, рассказала, что видела Рому с другой.

И я перестала пытаться ему дозвониться. Перестала биться в закрытую дверь. Поняла, что он вычеркнул меня из своей жизни и уехал.

Наверное, наигрался. Я долго не могла принять то, что для него наши отношения были несерьёзными, что он так просто смог взять и бросить меня. Просто… Без лишних объяснений.

А я… Я тот первый месяц вообще ничего не могла. Ни есть, ни спать, ни с кем разговаривать.

Взяла отпуск за свой счёт на работе и просто, заперевшись в четырёх стенах, пыталась заново научиться жить, дышать, существовать в мире, где больше не было его.

Мне было так чудовищно, всепоглощающе плохо, как никогда в жизни. Я буквально умирала каждый день, рассыпаясь в прах.

Не думала, что вообще когда-нибудь смогу в кого-то так безоглядно, самозабвенно влюбиться. Мы ведь встречались с ним всего полгода. Но для меня эти полгода были целой, яркой, наполненной до краёв жизнью, за которую я держалась обеими руками.

А сейчас… Сейчас он вернулся. Вернулся и обвиняет меня в предательстве?

Я смотрела в некогда родные лазурные глаза и не могла понять, о чём он говорит.

— Что это значит? — онемевшими губами спросила я и едва смогла расслышать свой голос. Настолько тихо он звучал.

— Нам пора, Ром. Вызов! — крикнули ему из машины, но Болотов даже не дёрнулся.

Он тоже стоял столбом и смотрел на меня выжидающим, внимательным и, быть может, даже изучающим взглядом.

— Ром! — крикнули повторно, и только тогда он отмер.

Моргнул раз, затем другой. Мотнул головой, словно стряхивая наплывшие воспоминания и ненужные мысли, и, больше не глядя на меня, быстрыми шагами направился к машине.

Миг, и машина спасателей исчезла за поворотом, оставляя после себя лишь шлейф пыли.

— Оля, поехали быстрее, а то там твой… — вылетел из подъезда Виктор. Весь взлохмаченный, кипишной и напряжённо бросил нашему водителю. — Заводи, Макс!

Не успела я опомниться, как Витя сгрёб меня в охапку и практически закинул в машину. Следом залез и сам. И когда он начал закрывать дверь, я увидела, как из подъёзда выбежал Кирилл.

В кое-как застёгнутых брюках, распахнутой рубашке, открывающей идеальный пресс, и совершенно босой.

— Оля, стой! — закричал бывший жених и ломанулся в нашу сторону.

Нет! Только его мне сейчас и не хватало. Нет! Не хочу, не выдержу!

Глава 4

Два дня у сестры прошли как в тумане, не оставив практически никакого следа в памяти.

Они слились в одно сплошное, серое, тягучее марево, где день невозможно было отличить от ночи, а сон — от бодрствования.

Я была словно в каком-то глубочайшем, эмоциональном коматозе. Ела механически, не ощущая вкуса. Пила на автомате, даже не особо замечая, что именно пью — будь то простая вода из-под крана или обжигающая чашка кофе, от крепости и густоты которого у нормального человека глаза бы на лоб полезли. Но мне было всё равно. Организм существовал отдельно, душа — отдельно.

Настя, моя младшая сестра, взрывная, эмоциональная хохотушка с огненной рыжей шевелюрой и острым, как бритва, язычком, все эти бесконечные двое суток неустанно, с каким-то остервенением поливала грязью Кирилла. Она не замолкала ни на минуту, будто боялась, что стоит ей остановиться, и тишина меня просто раздавит.

— Какой же он сволочью оказался, Оль! Просто клинический, конченый мерзавец! Так бы и врезала ему по его смазливой, лживой физиономии! — распылялась сестра, сидя напротив меня на крохотной, уютной кухне, залитой мягким жёлтым светом старенькой люстры.

Но сидеть долго она, при всей своей кипучей натуре, не смогла. Резко соскочила с табуретки, едва не опрокинув её, и начала нервно, почти строевым шагом расхаживать туда-сюда по небольшой комнатушке, яростно жестикулируя и сжимая кулаки.

— Видите ли, «я и так тебе весь достанусь, а это ничего не значит»! Ты представляешь?! Для него, оказывается, изменять — это норма! Обычное дело, понимаешь ли, естественная мужская потребность! Да я бы его, гада ползучего, как таракана, прибила, не раздумывая!

Она одновременно и злилась на него, и щедро, не скупясь на выражения, сыпала на его тупую, самоуверенную голову все известные человечеству проклятия, и, как ни странно, сквозь эту ярость даже умудрялась временами почти истерически смеяться над той нелепой ситуацией, при которой он был столь бесславно застукан за изменой.

Я понимала её. Сама бы посмеялась. Но вот как-то сейчас не хотелось.

Позже… Намного позже, возможно, и посмеюсь. Сейчас же мне было просто плохо.

Такое чувство, словно об меня, как о придверный коврик, тщательно и с наслаждением вытерли грязные ноги. Второй раз уже. Второй круг этого персонального ада.

Несмотря на то, что после первого раза, два года назад, когда ушёл Рома, мне было просто несопоставимо, чудовищно хуже, сейчас я была не просто сломлена. Я была раздавлена в лепёшку.

Наверное, именно из-за того, что это кошмарное дежавю происходит со мной уже во второй раз, цинично и методично добивая то, что осталось.

И самое ужасное во всей этой ситуации — меня предал тот самый человек, который когда-то, два года назад, помогал мне вылезать из ямы отчаяния и всепоглощающей боли.

Кирилл ведь всё время был со мной. Успокаивал, помогал, поддерживал. Приводил в чувства, заставлял выходить из дома.

— Олечка, он не стоит твоих слёз! Ты посмотри на себя… — говорил он мне тогда и обводил меня восхищённым взглядом. — Ты же просто восхитительна! Он не достоин тебя. Совершенно! Не сумел оценить такое сокровище!

Я и не заметила, как он стал мне не просто другом, а кем-то гораздо ближе.

А затем раз — и мы уже живём вместе. Он не желал тянуть. Если бы его воля, то мы бы поженились уже давным-давно.

Это я всё не хотела торопиться, подсознательно оттягивая момент последнего шага. Я больше сосредотачивалась на работе.

Как оказалось, очень и очень правильно делала. Интуиция меня не подвела. Ведь если бы мы были официально женаты, то я бы так легко и быстро сейчас не ушла. Не смогла бы просто хлопнуть дверью.

Пришлось бы проходить все эти унизительные судебные тяжбы с разводом, делить нажитое, слушать грязные обвинения и снова встречаться с ним в суде.

А так мы с Витей, как только сдали смену, поехали в квартиру Кирилла, где мы с ним жили, и мой напарник помог мне собрать вещи.

Я не хотела с собой никого брать, боясь, что пересекусь с изменщиком, и разразится скандал. А заставлять кого-то смотреть на это позорище совершенно не хотелось.

Но Виктор меня и не спрашивал. Просто сказал, что поедет со мной и одну не оставит. Вот и поехал. А если Витя что-то решил, то переубедить его практически нереально.

Он добрый и мягкий, но если упрётся, то будет стоять на своём до последнего.

Не более чем двадцать минут ушло на то, чтобы скидать в чемодан мои вещи из шкафа, несколько игрушек, что были дороги сердечку, и остальные личные вещи. Больше ничего трогать не стала. Всё нажитое остальное имущество в доме оставила предателю.

Не хотела видеть больше никакие вещи или технику.

Только свой ноут забрала, и всё на этом.

Спасибо Вите, что помог. Без него я бы так быстро не справилась и точно бы тогда пересеклась с Кириллом. Который отправился как раз-таки к моей сестре, подумав, что я рвану туда первым делом.

Но он ошибся. И мне это сыграло на руку.

Витя вытащил мой чемодан и большую спортивную сумку из квартиры, сгрузил всё в свою машину и привёз меня к сестре, которая была уже перепугана моим бывшим.

Тот прилетел ураганом, чуть не снёс ту с порога и ворвался в квартиру, стоило ей только открыть дверь. Обежал все комнаты и, убедившись, что меня там нет, побежал дальше. Ничего при этом и не объяснив.

Ох и причитала она тогда. Но хоть порадовалась, что мы успели и вещи забрать, не встретившись с предателем, и уехать с вызова, заставив Кирилла побегать за машиной скорой.

Да, тогда дверь захлопнулась перед его носом, и водитель просто ракетой рванул с места, оставив злющего Кирюшу ни с чем.

Но он так просто не сдался и вновь решил навестить мою сестрицу на следующий день. Бесконечно звонил в звонок и стучался в дверь, когда попал в подъезд с кем-то. Но мы его упорно игнорировали.

Номер его я благополучно заблокировала, не желая ни слышать, ни видеть изменщика. Точнее, написала ему смс с коротким описанием его сволочности. А после заблокировала.

Затем он притих, но я в такую удачу не верила. Кирилл не из тех, кто так просто сдастся. Он не угомонится, пока не поговорит со мной. Да и тогда тоже не факт, что отстанет.

Я понимала, что разговора не избежать, но не желала это делать сейчас. Слишком было плохо. В голове полная каша и из-за бывшего жениха, и из-за другого бывшего, чьи обвинения не выходили из головы.

Почему он так сказал? Почему бумеранг?

Он же сам меня бросил! Ничего не объяснив. Просто пропал, и всё.

Тем более его видели с другой.

Ничего не понимаю. Бред какой-то.

Но это мне просто не давало покоя. И внутри всё просто кричало, что что-то грядёт. Что-то, что может вновь перевернуть всю мою жизнь.

Глава 5

— Хватит себя уже изводить. Давай хоть на улицу выйдем, пройдёмся немного, глотнем воздуха, — предложила сестра, пытаясь меня растормошить.

Я вздрогнула от её звонкого и нарочито-радостного голоса и натянула лёгкое покрывало повыше на огругленький, мягкий животик. Мне почему-то всё время было холодно.

Словно изнутри проморозило.

— А заодно и в магазин завернем. Стратегические запасы еды нужно пополнить, ты глянь — холодильник-то наш совсем оскудел, скоро эхо внутри поселится, — продолжала сестра. — Да и тебе не помешает размяться, а то ты уже с этим диваном практически единым целым стала.

Я перевела взгляд на темный экран телевизора, в котором отражалась моя собственная бледная тень, и вдруг до меня дошел смысл её слов.

А ведь и правда. Сколько можно-то?

Превратилась в живое изваяние скорби, в собственную бледную копию. Я же только себе хуже делаю, загоняя себя в эту темную яму.

Нельзя так. Нельзя растворяться в боли, позволять ей пожирать себя изнутри.

Я чувствовала это на границе сознания. Знакомое, липкое оцепенение. Ужасное анабиозное состояние, когда мир теряет краски, а тело становится чужим и неподъемным.

Один раз я уже проваливалась в эту бездну, и возвращение оттуда было долгим и мучительным.

Нет, не хочу.

Нужно выкарабкиваться, разбивать эту душащую скорлупу, пока она не затвердела окончательно. Похандрила два дня, поплакала в подушку — и хватит с меня.

— Да, ты права. Давай немного проветримся. Мне надо взбодриться, а то совсем расклеилась. Хватит уже из-за этих мужиков страдать, — решительно поднялась с дивана я, откинув покрывало в сторону.

— Вот и умничка! — обрадовалась Настя. — Они и ноготочка твоего не стоят! Не смогли оценить, какая прелесть им досталась? Тогда пусть сидят теперь и локти кусают!

Заявила сестра, уперев руки в бока. Выглядела она ну очень грозной и готовой своими руками им показать, насколько они неправы.

Мне стало смешно, и я не желала сдерживать порыв, расхохотавшись в голос. Настя обрадовалась, что в этот раз моя хандра пройдёт намного быстрее и менее болезненно. Потащила меня одеваться и приводить себя в порядок. Поскольку мертвец и то краше сейчас выглядел, чем я.

Через час, смыв с себя остатки двухдневной апатии и облачившись в легкий сарафан, я уже шла рядом с сестрой по тенистому парку к водоём. Мы решили пойти покормить уточек. Это занятие всегда меня умиротворяло.

Погода сегодня была удивительно милосердна: припекающее солнце играло золотыми нитями в листве, но в парке, под сенью высоких деревьев с раскидистыми кронами, царила приятная прохлада. Легкий, почти невесомый ветерок касался разгоряченной кожи, смягчая жару и принося с собой запах скошенной травы и нагретой листвы.

У водоёма и вправду дышалось чуточку свежее. Но главное — здесь, рассекая темную гладь воды, словно маленькие изящные флотилии, неспешно проплывали до умиления хорошенькие уточки.

Я отломила краюху хлеба, старательно раскрошила его на маленькие кусочки и кинула к ближайшей парочке, оставляя на воде расходящиеся круги. Уточки радостно и тонко пискнули, и, по-королевски грациозно подплыв, отведали мои угощения.

Они так забавно окунали клювики в воду, смешно перебирая лапками, что я не сумела сдержать невольной, тёплой улыбки.

— Вот это отличная терапия, — сказала я сестре, что стояла рядом и тоже следила за пернатыми.

— Не поспоришь, — усмехнулась она в ответ и подошла к самому краю водоёма.

Присела на корточки и протянула руку в надежде, что кто-нибудь из самых смелых крылатых решит её то ли ущипнуть за палец, то ли дастся погладиться.

Одна из птиц с интересом посмотрела на мою сестру и даже начала плыть в её сторону, но на полпути передумала и развернулась обратно к камышам.

Мне тоже захотелось попробовать приманить какую-нибудь уточку, и я пошла к сестре, но… Неудачно поскользнулась на почему-то мокрой траве и поехала одной ногой в сторону пруда, другая, видимо, решила отправиться домой.

Я только и успела взвизгнуть перед тем, как позорно распластаться на траве.

Но чьи-то сильные, стальные руки подхватили меня в сантиметре от земли, рывком возвращая в вертикальное положение, и крепко прижали к твёрдому, невероятно горячему телу.

Сердце испуганно совершило дикий кульбит где-то в горле и бешено заколотилось о ребра.

Я замерла, боясь даже вздохнуть, всё ещё не веря, что мне удалось избежать падения.

Сильные руки сжали мою талию крепче, интимнее, и вдруг носа коснулся до боли знакомый аромат…

Древесно-пряный, с благородными нотками кедра, с оттенком жимолости и терпкой свежестью бергамота. Запах, который когда-то сводил меня с ума.

Кожа моментально покрылась мурашками, тело пронзило волной обжигающего жара, который тут же сменило ледяным, пробирающим до костей холодом узнавания. Я окаменела, превратилась в соляной столп, не в силах даже сделать вдох.

А над головой раздался тот самый бархатистый, чуть вкрадчивый голос с едва заметной хрипотцой, который я так надеялась никогда больше не услышать:

— Нужно быть осторожнее, Оля.

Сердце пропустило удар, а затем понеслось вскачь. По венам, согревая оцепеневшее тело, потекла раскалённая лава — то самое, некогда забытое, опасное чувство, которое у меня возникало всегда, стоило только оказаться с этим мужчиной рядом.

Магия, проклятие, химия — не знаю, но оно захлестнуло меня с головой, парализуя волю.

— Спасибо, — едва слышно проблеяла я, подняв голову и встретившись с прожигающим насквозь взглядом.

Меня словно молнией пронзило.

Кончики пальцев закололо, и захотелось до боли в суставах провести по его груди, коснуться кожи на шее, а после провести пальцами по его щеке.

Эта мысль и отрезвила меня.

Меня обдало ледяным холодом, и я резко отпрянула назад, вырываясь из тёплых и когда-то самых желанных объятий.

— Спасибо, что спас меня от падения, — попыталась улыбнуться я. Но, боюсь, что вышло не очень.

— Так я же спасатель. Работа обязывает, — лучезарно улыбнулся Рома, и меня вновь пронзило насквозь. Тысячами мелких иголочек.

Вот такая открытая, яркая улыбка всегда сводила меня с ума.

Вот и сейчас… Сейчас я тоже не сумела остаться равнодушной.

Но нужно было брать себя в руки. Иначе растекусь здесь мороженкой.

Внезапно я вспомнила его последние слова, брошенные мне.

Такие странные и непонятные слова.

— Знаешь, а очень хорошо, что мы встретились, — решительно заявила я, понимая, что не смогу оставить всё вот так. Мне было жизненно важно узнать, почему он такое сказал. — Я как раз хотела с тобой поговорить про…

— Милый! Так вот ты где! — перебил меня радостный, звонкий голос, и я осеклась. В неверии и полнейшем шоке смотрела на девицу, прильнувшую к Роме и целующую его в щёку.

Нет… Это никак не может быть… Она!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.